

- [Василий Шукшин](#)
-

Василий Шукшин

Обида

Сашку Ермолаева обидели.

Ну, обидели и обидели – случается. Никто не призывает бессловесно сносить обиды, но сразу из-за этого переоценивать все ценности человеческие, ставить на попа самый смысл жизни – это тоже, знаете... роскошь. Себе дороже, как говорят. Благоразумие – вещь не из рыцарского сундука, зато безопасно. Да-с. Можете не соглашаться, можете снисходительно улыбнуться, можете даже улыбнуться презрительно... Валяйте. Когда намашетесь театральными мечами, когда вас отовсюду с треском выставят, когда вас охватит отчаяние, приходите к нам, благоразумным, чай пить.

Но – к делу.

Что случилось?

В субботу утром Сашка собрал пустые бутылки из-под молока, сказал: «Маша, пойдешь со мной?» – дочери.

– Куда? Гагазинчик? – обрадовалась маленькая девочка.

– В магазинчик. Молочка купим. А то мамка ругается, что мы в магазин не ходим, пойдем сходим.

– В кои-то веки! – сказала озабоченная «мамка». – Посмотрите там еще рыбу – нототению. Если есть, возьмите с полкило.

– Это дорогая-то?

– Ничего, возьми, – я ребятишкам поджарю.

И Сашка с Машей пошли в «гагазинчик».

Взяли молока, взяли масла, пошли смотреть рыбу нототению. Пришли в рыбный отдел, а там, за

прилавком – тетя.

Тетя была хмурая – не выпалась, что ли. И почему-то ей, тете, показалось, что это стоит перед ней тот самый парень, который вчера здесь, в магазине, устроил пьяный дебош. Она спросила строго, зло:

– Ну, как – ничего?

– Что «ничего»? – не понял Сашка.

– Помнишь вчерашнее-то?

Сашка удивленно смотрел на тетю...

– Чего глядишь? Глядит! Ничего не было, да? Глядит, как Исусик...

Почему-то Сашка особенно оскорбился за этого «Исусика». Черт возьми совсем, где-то ты, Александр Иванович, уважаемый человек, а тут... Но он даже не успел и подумать-то так – обида толкнулась в грудь, как кулаком дали.

– Слушайте, – сказал Сашка, чувствуя, как у него сводит челюсть от обиды. – Вы, наверно, сами с похмелья?.. Что вчера было?

Теперь обиделась тетя. Она засмеялась презрительно:

– Забыл?

– Что я забыл? Я вчера на работе был!

– Да? И сколько плотют за такую работу? На работе он был! Да еще стоит рот разевает: «С похмелья!» Сам не проспался еще.

Сашку затрясло. Может, оттого он так остро почувствовал в то утро обиду, что последнее время наладился жить хорошо, мирно, забыл даже когда и выпивал... И оттого еще, что держал в руке маленькую родную руку дочери... Это при дочери его так! Но он не знал, что делать. Тут бы пожать плечами, повернуться и уйти к черту. Тетя-то уж больно того – неsgiбаемая. Может, она и поняла, что обозналась, но не станет же она, в самом деле, извиняться перед кем попало. С какой стати?

- Где у вас директор? - самое сильное, что пришло Сашке на ум.

- На месте, - спокойно сказала тетя.

- Где на месте-то? Где его место?

- Где положено, там и место. Для чего тебе директор-то? «Где директор»! Только и делов директору - с вами разговаривать! - тетя повысила голос, приглашая к скандалу других продавщиц и покупателей, которые постарше. - Директора ему подайте! Директор на работу пришел, а не с вами объясняться. Нет, видите ли, дайте ему директора!

- Что там, Роза? - спросили тетю другие продавщицы.

- Да вот директора - стоит требует!.. Вынь да положь директора! Фон-барон. Пьянчуги.

Сашка пошел сам искать директора.

- Какая тетя... похая, - сказала Маша.

- Она не плохая, она... - Сашка не стал при ребенке говорить, какая тетя. Лицо его горело, точно ему ни за что ни про что - при всех! - надавали пощечин.

В служебном проходе ему загородил было дорогу парень-мясник.

- Чего ты волну-то поднял?

Но ему-то Сашка нашел, что сказать. И, видно, в глазах у Сашки стояло серьезное чувство - парень отшагнул в сторону.

- Я не директор, - сказала другая тетя, в кабинете. - Я - завождем. А в чем дело?

- Понимаете, - начал Сашка, - стоит... и начинает - ни с того ни с сего... За что?

- Вы спокойнее, спокойнее, - посоветовала завождем.

- Я вчера весь день был на работе... Я даже в магазине-то не был! А она начинает: я, мол, чего-то такое натворил у вас в магазине. Я и в магазине-то не был!

– Кто говорит?
– В рыбном отделе стоит.
– Ну, и что она?
– Ну, говорит, что я что-то такое вчера натворил в магазине. Я вчера и в магазине-то не был.
– Так что же вы волнуетесь, если не вы натворили? Не вы и не вы – и все.

– Она же хамить начала! Она же обзывается!..

– Как обзывается?

– Исусик, говорит.

Завотделом засмеялась. У Сашки опять свело челюсть. У него затряслись губы.

– Ну, пойдемте, пойдемте... что там такое – выясним, – сказала завотделом.

И завотделом, а за ней Сашка – появились в рыбном отделе.

– Роза, что тут такое? – негромко спросила завотделом.

Роза тоже негромко – так говорят врачи между собой при больном – о больном же, еще на суде так говорят и в милиции – вроде между собой, но несколько не смущаются, если тот, о ком говорят, слышит, – Роза негромко пояснила:

– Напился вчера, наскандалил, а сегодня я напомнила – сделал вид, что забыл. Да еще возмущенный вид сделал!..

Сашку опять затрясло. Он, как этот... и трясся все утро, и трясся. Нервное желе, елки зеленые. А затрясло его опять потому, что завотделом слушала Розу и слегка – понимающе – кивала головой. И Роза тоже говорила не зло, а как говорят про дела известные, понятные, случающиеся тут чуть не каждый день. И они вдвоем понимали, хоть они не смотрели на Сашку, что Сашке, как всякому на его месте, ничего другого и не остается, кроме как «делать возмущенный вид».

Сашку затрясло, но он собрал все силы и хотел быть спокойным.

– А при чем здесь этот ваш говорок-то? – спросил он. Завотделом и Роза не посмотрели на него. Разговаривали.

– А что сделал-то?

– Ну, выпил – не хватило. Пришел опять. А время вышло. Он – требовать...

– Звонили?

– Любка пошла звонить, а он, хоть и пьяный, а сообразил – ушел. Обзывал нас тут всяко...

– Слушайте! – вмешался опять в их разговор Сашка. – Да не был я вчера в магазине! Не был! Вы понимаете?

Роза и завотделом посмотрели на него.

– Не был я вчера в магазине, вы можете это понять?! Я же вам русским языком говорю: я вчера в этом магазине не был!

Роза с завотделом смотрели на него, молчали.

– А вы начинаете тут!.. Да еще этот разговорчик – стоят, вроде им все понятно. А я и в магазине-то не был!

А между тем сзади образовалась уже очередь. И стали раздаваться голоса:

– Да хватит там: был, не был!

– Отпускайте!

– Но как же так? – повернулся Сашка к очереди. – Я вчера и в магазине-то не был, а они мне какой-то скандал приписывают! Вы-то что?!

Тут выступил один пожилой, в плаще.

– Хватит, – не был он в магазине! Вас тут каждый вечер – не пробьешься. Соображают стоят. Раз говорят, значит, был.

– Что вы, они вечерами никуда не ходят! – заговорили в очереди.

– Они газеты читают.

- Стоит - возмущается! Это на вас надо возмущаться. На вас надо возмущаться-то.

- Да вы что? - попытался было еще сказать Сашка, но понял, что - бесполезно. Глупо. Эту стенку из людей ему не пройти.

- Работайте, - сказали Розе из очереди. - Работайте спокойно, не обращайтесь внимания на всяких тут...

Сашка пошел к выходу. Покупатель в плаще послал ему в спину последнее:

- Водка начинает продаваться в десять часов! Рано пришел!

Сашка вышел на улицу, остановился, закурил.

- Какие дяди похие, - сказала Маша.

- Да, дяди... тети... - пробормотал Сашка. - Мгм... - он думал, что бы сделать? Как поступить? Оставлять все в таком положении он не хотел. Не мог просто. Его опять трясло. Прямо трясун какой-то!

Он решил дождаться этого, в плаще. Поговорить. Как же так? С какой стати он выскочил таким подхалимом? Что за манера? Что за проклятое желание угодить продавцу, чиновнику, хамоватому начальству?! Угодить во что бы то ни стало! Ведь сами расплодили хамов, сами! Никто же нам их не завез, не забросил на парашютах. Сами! Пора же им и укорот сделать. Они же уже меры не знают...

Так примерно думал Сашка. И тут вышел этот, в плаще.

- Слушайте, - двинулся к нему Сашка, - хочу поговорить с вами...

Плащ остановился, недобро уставился на Сашку.

- О чем нам говорить?

- Почему вы выскочили заступаться за продавцов? Я правда не был вчера в магазине...

- Иди, пропись сперва! Понял? Он будет еще останавливать... «Поговорить». Я те поговорю! Поговоришь у меня в другом месте!

– Ты что, взбесился?

– Это ты у меня взбесишься! Счас ты у меня взбесишься, счас... Я те поговорю, подворотня чертова!

Плащ прошуршал опять в магазин – к телефону, как понял Сашка.

Заговор какой-то! Сашка даже слегка успокоился. И решил не ждать милиции. Ну ее... Один, может, и дождался бы – интересно даже: чем бы все это кончилось?

Они пошли с Машей домой. Дорогой Сашка все изумлялся про себя, все не мог никак понять: что такое творится с людьми?

Девочка опять залопотала на своем маленьком, смешном языке. Сашку вдруг изумило и то, что она, крохотуля, почему-то смолкала, когда он объяснялся с дядями и тетями, а начинала говорить, лишь после того, и говорила, что дяди и тети – «похие», потому что нехорошо говорят с папой. Сашка взял девочку на руки, прижал к груди. Что-то вдруг аж слеза навернулась.

– Кроха ты моя... Неужели ты все понимаешь?

Дома Сашка хотел было рассказать жене Вере, как его в магазине... Но тут же и расхотелось...

– А что, что случилось-то?

– Да, ладно, ну их. Нахамили, и все. Что – редкость диковинная?

Но зато он задумался о том человеке в плаще. Ведь – мужик, долго жил... И что осталось от мужика: трусливый подхалим, сразу бежать к телефону – милицию звать. Как же он жил? Что делал в жизни? Может, он даже и не догадывается, что угождать – никогда, нигде, никак – нехорошо, скверно. Но как же уж так надо прожить, чтобы не знать этого? А правда, как он жил? Что делал? Сашка часто видел этого человека, он из девятиэтажной башни напротив... Сходить? Спросить у кого-нибудь, из какой он квартиры, его, наверно, знают...

«Схожу! – решил Сашка. – Поговорю с человеком. Объясню, что правда же эта дура обозналась – не был я вчера в магазине, зря он так – не разобравшись, полез вступаться... Вообще поговорю. Может, он одинокий какой».

– Пойду сигарет возьму, – сказал жене Сашка.

– Ты только из магазина!

– Забыл.

– Посмотри, может, мясо ничего? Если плохое, не бери – для ребятишек. Не могу ничего придумать. Надоела эта каша. Посмотри, может, чего увидишь.

– Ладно.

...Один парнишка узнал по описанию:

– Из тридцать шестой, Чукалов.

– Он один живет?

– Почему? Там бабка тоже живет. А что?

– Ничего. Мне надо к нему.

Дверь открыл сам хозяин – тот самый человек, кого и надо было Сашке. Чукалов его фамилия.

– Не пугайтесь, пожалуйста, – сразу заговорил Сашка, – я хочу объяснить вам...

– Игорь! – громко позвал Чукалов.

Он не испугался, нет, он с каким-то непонятым удовлетворением смотрел на гостя – уперся темными, слегка выпуклыми глазами и был явно доволен. Ждал.

– Я хочу объяснить...

– Счас объяснишь. Игорек!

– Что там? – спросили из глубины квартиры. Мужчина спросил.

Сашка невольно глянул на вешалку и при этом пошевелился... Чукалов – то ли решил, что Сашка хочет уйти, – вдруг цепко, неожиданно сильной рукой схватил его за рукав. И темные глаза его близко вспыхнули злостью и скорой, радостно-скорой расправой. Сашка настолько удивился всему, что не стал вырываться,

только пошевелил рукой, чтоб высвободить кожу, которую Чукалов больно защемил с рукавом рубашки.

– Игорь!

– Что? – вышел Игорь, наверно, сын, тоже с темными, чуть влажными глазами. Здоровый, разгоряченный завтраком, важный.

– Вот этот человек нахамил мне в магазине... Хотел избить, – Чукалов все держал Сашку за рукав, а обращался к сыну.

Игорь уставился на Сашку.

– Да вы пустите меня, я ж не бегу, – попросил Сашка. И улыбнулся. – Я ж сам пришел.

– Пусти его, – велел Игорь. И вопросительно, пытливо, оценивающе, надо думать, смотрел на Сашку.

Чукалов отпустил Сашкин рукав.

– Понимаете, в чем дело, – как можно спокойнее, интеллигентнее заговорил Сашка, потирая руку. – Нахамили-то мне, а ваш отец...

– А мой отец подвернулся под горячую руку. Так?

– Да почему?

– Специально дожидался меня у магазина... – подсказал старший Чукалов.

– Мне было интересно узнать, почему вы... подхалимничаете?

Дальше Сашка двигался рывками, быстро. Игорь сгреб его за грудки – этого Сашка никак не ждал, – раза два пристукнул головой об дверь, потом открыл ее, протащил по площадке и сильно пустил вниз по лестнице. Сашка чудом удержался на ногах – схватился за перила. Наверху громко хлопнула дверь.

Сашка как будто выпал из вихря, который приподнял его, крутанул и шлепнул на землю. Все случилось скоро. И так же скоро, ясно заработала голова. Какое-то короткое время постоял он на лестнице... И быстро пошел вниз, побежал. В прихожей у него лежит хороший молоток. Надо опять позвонить –

если откроет пожилой, успеть оттолкнуть его и пройти... Если откроет Игорек, еще лучше – проще. Вот, довозмущался! Теперь бегай – унимай душу. Раньше бы ушел из магазина, ничего бы и не было. Если откроет сам Игорь, надо левым коленом сразу шире распахнуть дверь и подставить ногу на упор: иначе он успеет толкнуть дверь оттуда, и удара не выйдет. Не удар будет, а мазня. Ах, славнецкий был спуск с лестницы!.. Умеет этот Игорек, умеет... тварь поганая. Деловой человек, хорошо кормленный.

Едва только Сашка выбежал из подъезда, увидел: по двору, из магазина, летит его Вера, жена – простоволосая, насмерть чем-то перепуганная. У Сашки подкосились ноги: он решил, что что-то случилось с детьми – с Машей или с другой маленькой, которая только-только еще начала ходить. Сашка даже не смог от испуга крикнуть... Остановился. Вера сама увидела его, подбежала.

– Ты что? – спросила она заполошно.

– Что?

– Ты опять захотел?! Тебе опять нейдет?! Чего ты затеваешь, с кем поругался?

– Ты чего?

– Какие дяди? Мне Маша сказала какие-то дяди. Какие дяди? Ты откуда идешь-то? Чего ты такой весь?

– Какой?

– Не притворяйся, Сашка, не притворяйся – я тебя знаю. Опять на тебе лица нету. Что случилось-то? С кем поругался?

– Да ни с кем я не ругался!..

– Не ври! Ты сказал, в магазин пойдешь... Где ты был?

Сашка молчал. Теперь, пожалуй, ничего не выйдет. Он долго стоял, смотрел вниз – ждал: пройдет само собой то, что вскипело в груди, или надо – через все – проломиться с молотком к Игорю?..

– Сашка, милый, пойдем домой, пойдем домой, ради бога, – взмолилась Вера, видно, чутьем угадавшая, что творится в душе мужа. – Пойдем, домой, там малышки ждут... Я их одних бросила. Плюнь, не заводись, не надо. Сашенька, родной мой, ты о нас-то подумай, – Вера взяла мужа за руку: – Неужели тебе нас-то не жалко?

У Сашки навернулись на глаза слезы... Он нахмурился. Сердито кашлянул. Достал пачку сигарет, вытащил дрожащими пальцами одну, закурил.

– Вон руки-то ходуном ходят. Пойдем.

Сашка легким движением высвободил руку...

И покорно пошел домой.

Эх-х... Трясуны мы, трясуны!

Copyright (c) 2001 Электронная библиотека Алексея Снежинского